
Благов Евгений Александрович
НА ПУТИ
Книга первая
Проект: Плоская вселенная

Евгений Благов

На пути. Книга первая. Проект: Плоская вселенная

«Автор»
2026

Благов Е. А.

На пути. Книга первая. Проект: Плоская вселенная /
Е. А. Благов — «Автор», 2026

Кира — стажёрка космического пункта выдачи заказов «На пути». Сорок дней стажировки: сканеры мигают, дроны шуршат над плоскими улицами, а Система уверена, что знает про мир всё. Но однажды в нижнем ящике оказывается стикер с почерком, которого Кира не помнит. Потом — второй. Третий. Кто оставляет подсказки, если не она и не Виктор? И почему Система так старательно делает вид, что не видит?Пока Кира принимает первый заказ и выживает в первой очереди, за кулисами рутины собирается что-то большое: узор сбоев в панелях, странные «ретро-дни», соседи, которые помнят то, чего не было. День за днём стажёрка выясняет, что плоский мир — не такой уж плоский. И что в петле, по которой он движется, есть место для свободного человека.«На Пути» — история о маленьких победах, честных людях и о том, что даже в плоской вселенной всегда есть что-то сверху. Тёплая философская фантастика о работе, внимании и праве оставлять двери открытыми.

© Благов Е. А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Акт первый. Вещи 5
День 0. «Нижний ящик» 6
День 1. «Чашка без слов» 8
День 2. «Коробка, которой не было» 9
День 3. «Просто услышать» 10
День 4. «Для тех, кто ищет тепло» 11
День 5. «Заказ 17B» 12
День 6. «Кусочек неба» 14
День 7. «Монстры из сектора 7» 15
День 8. «Благодетель» 16
День 9. «Две пересекающиеся линии» 17
День 10. «Остаюсь стажёром» 18
День 11. «Система не видит» 20
Конец ознакомительного фрагмента. 21

Евгений Благов
На пути. Книга первая.
Проект: Плоская вселенная

Акт первый. Вещи

Дни 0–12, ретро-дни и Марс

День 0. «Нижний ящик»

Кира стояла у стеклянных дверей ПВЗ «На пути» за пять минут до начала смены. В руках — папка с инструкциями, в голове — список тревог: «не перепутать штрих-коды», «улыбаться, даже если устала», «не смотреть на рейтинг клиентов». За спиной — город, который спешил без неё: дроны шуршали над тротуарами, голограммы вспыхивали и гасли, а люди шли, уткнувшись в экраны. Кира глубоко вдохнула. Это был её первый день в роли стажёра, и мир казался слишком большим и слишком шумным.

Когда она вошла, стойка выглядела не как в проморолике: на ней лежала стопка коробок, сканер мигал жёлтым, а на экране висело уведомление: «Требуется ручная верификация». Рядом стоял старший администратор, Виктор, мужчина средних лет с усталыми глазами и спокойной улыбкой. Он кивнул: «Не пугайся бардака. Бардак — это тоже рутина». И тут Кира поняла: никто не ждёт от неё идеальности. От неё ждут, что она просто начнёт.

Виктор показал, как включать сканер, как проверять коды, как ставить коробки в ячейки. Всё было просто, если не смотреть на цифры и проценты. Кира повторяла движения, стараясь не думать о том, что за каждым действием стоит рейтинг, который кто-то где-то считает. Она снова стала собой — той, кто умеет делать по шагам.

На экране мелькнула строчка: «Рейтинг клиента: 78%». Кира вздрогнула. Виктор заметил: «Не смотри на проценты. Смотри на людей. Проценты — это шум». И она поняла, почему выбрала эту работу: здесь можно было быть полезной, не превращаясь в алгоритм.

Первая коробка, первый код, первый писк сканера. Кира провела штрих-код, и система тихо сказала: «Принято». Это было как первый шаг по льду: страшно, но уже сделано. Она посмотрела на Виктора, он кивнул: «Дальше будет проще». И Кира поверила.

К полудню поток клиентов стал плотнее. Коробки прибывали, экраны мигали, а Кира училась не паниковать. Она заметила, что сканер иногда «спотыкается» на определённых кодах, и начала заранее проверять их вручную. Это не было в инструкции, но это работало.

В какой-то момент Кира почувствовала, что теряет контроль: коробки, коды, уведомления сливались в один бесконечный поток. Ей хотелось просто закрыть глаза и сказать: «Я не справляюсь». Но она вспомнила слова Виктора: «Смотри на людей». И посмотрела.

Перед стойкой стояла женщина с ребёнком. Ребёнок тянул руки к коробке, а женщина улыбалась, будто это был самый важный момент дня. Кира улыбнулась в ответ, провела код, и коробка оказалась в руках у ребёнка. И в этот момент всё стало проще.

После обеда поток немного стих. Кира успела выпить стакан воды и прочитать пару строк из старой бумажной книги, которую взяла с собой. Мир снова стал нормальным.

Но тишина была обманчивой. Система вдруг зависла, экран погас, а уведомления перестали приходить. Виктор нахмурился: «Опять серверы». И Кира поняла, что настоящая работа начинается именно сейчас — когда всё ломается.

Она вспомнила, что видела утром: запасной модуль лежал в нижнем ящике, под стопкой бумаг. Кто-то оставил там стикер: «Проверь нижний ящик». Она не помнила, чтобы делала его сама. Но сейчас это было неважно.

Кира достала модуль, подключила его, и система медленно, но верно начала оживать. Экран засветился, уведомления вернулись, а сканер снова пискнул. Виктор посмотрел на неё с уважением: «Ты заметила». И Кира впервые почувствовала, что она не просто стажёр.

Смена закончилась, и Кира стояла у стойки, глядя на вывеску «На пути». Она не знала, что ждёт её завтра, но знала одно: она справилась. И этого было достаточно.

Город снова спешил мимо, дроны снова шуршали, а голограммы снова вспыхивали. Но теперь Кира шла домой не как новичок, а как человек, который знает, где лежит запасной модуль. И это меняло всё.

День 1. «Чашка без слов»

Утро началось с привычного ритуала: включить стойку, проверить сканер, разложить коробки по ячейкам. Кира уже знала, где что лежит, и это придавало уверенности. Очередь была небольшой, но каждый клиент казался особенным. Кто-то торопился, кто-то злился, а кто-то просто хотел, чтобы его выслушали.

И тут перед стойкой появился клиент, которого Кира раньше не видела. Он был в шлеме-резонаторе, который переливался всеми оттенками фиолетового. Он не говорил на общегалактическом, а издавал звуки, которые сканер не мог распознать. Система зависла, на экране мигало: «Неизвестный язык».

Кира замерла. Все инструкции, все правила, все проценты вдруг стали бесполезными. Она посмотрела на клиента, а он смотрел на неё сквозь мерцающий шлем. И в этот момент она поняла: инструкции не помогут.

Клиент начал нервно постукивать пальцами по стойке. Очередь за его спиной начала шептаться. Кира чувствовала, как напряжение растёт, и знала, что если она сейчас не сделает что-то правильное, всё станет только хуже.

Она сделала шаг вперёд и просто улыбнулась. Потом показала на коробку, потом на себя, потом на клиента. Это были простые жесты, но они работали. Клиент чуть наклонил голову, и в его глазах мелькнуло понимание.

Кира принесла чашку чая и поставила её перед клиентом. Он не стал пить, но обхватил чашку ладонями и замер. И система вдруг ожила: сканер тихо пискнул, и на экране появилось: «Заказ выдан».

Очередь выдохнула, кто-то даже улыбнулся. Но Кира знала: это была не победа системы. Это была победа жеста, улыбки, чашки чая. И это было важнее любых процентов.

Клиент кивнул ей, положил чашку на стойку и ушёл, оставив после себя тишину, которая была громче любого шума. Кира посмотрела на чашку, потом на очередь, и поняла, что сегодня она сделала что-то настоящее.

Остаток дня прошёл спокойно. Коробки приходили, коды считывались, клиенты уходили. И каждый раз, когда Кира смотрела на чашку, она вспоминала тот момент, когда слова были не нужны.

Вечером, когда она убирала стойку, она заметила на нижнем ящике тот же стикер: «Проверь нижний ящик». Она точно знала, что убирала его утром. Но теперь он снова был здесь. И она впервые задумалась: кто оставляет эти подсказки?

Может быть, это был Виктор? Или кто-то из коллег? Или что-то ещё? Кира не знала ответа, но знала, что эти подсказки помогали. И на сегодня — достаточно.

Она не стала спрашивать. Вместо этого она положила стикер в карман и решила, что будет замечать такие вещи. Потому что в этом мире, полном кодов и процентов, маленькие подсказки могли быть важнее любых инструкций.

День закончился. Кира вымыла чашку, поставила её на полку и достала блокнот — тот, что купила ещё на «Кувшинке» и ни разу не открывала. На первой странице вывела: «Иногда цели выбирают нас». Рядом приклеила стикер из нижнего ящика. Пусть будет напоминание.

По дороге домой она думала не о рейтингах и не о протоколах, а о шлеме-резонаторе и о том, как человек без слов может сказать больше, чем любая система. Завтра начинался её второй день. И это не пугало.

День 2. «Коробка, которой не было»

Инвентаризация была тем самым делом, которое Кира не любила больше всего. Коробки, ячейки, коды — всё сливалось в один бесконечный список. Но сегодня она решила подойти к этому иначе: не как к обязанности, а как к игре. Каждая коробка — загадка, каждый код — подсказка.

Одна коробка никак не хотела быть учтённой. Сканер пищал, но система не принимала код. На экране мигало: «Ошибка верификации». Кира перепроверила код, перевернула коробку, даже потрясла её — ничего не помогало.

Она хотела просто отложить коробку в сторону и вернуться к ней позже. Но что-то внутри не давало ей этого сделать. Эта коробка была как заноза, которую нужно вытащить.

Кира вспомнила, что в ПВЗ стоит контейнер «Сдать упаковку». Может быть, проблема была не в коде, а в самой коробке? Она осмотрела её внимательнее и заметила маленькую пометку на дне: «Утилизация».

Это была не ошибка системы. Это была коробка, которую нужно было не учитывать, а утилизировать. Кира взяла её и понесла к контейнеру. И впервые за день она почувствовала, что делает что-то правильно.

Контейнер тихо щёлкнул, принимая коробку. На экране появилось: «Утилизировано». И Кира поняла: иногда решение проблемы — не в том, чтобы заставить систему работать, а в том, чтобы увидеть, что система не должна работать с этим.

Остальные коробки пошли легче. Коды считывались, ячейки заполнялись, а Кира чувствовала, что начинает видеть мир иначе: не как набор правил, а как набор возможностей.

Когда инвентаризация закончилась, Кира посмотрела на контейнер и поняла: даже утилизация может быть победой. Потому что она освобождает место для чего-то нового.

Остаток дня прошёл спокойно. Клиенты приходили, коробки уходили, а Кира замечала маленькие детали: как сканер моргает перед тем, как пискнуть, как на стойке тихо щёлкает диспенсер наклеек.

Но вечером, когда она проверяла отчёты, она заметила странную вещь: в системе не было записи об утилизированной коробке. Как будто её никогда не существовало.

Может быть, система просто не регистрирует утилизацию? Или… кто-то стёр эту запись? Кира не знала ответа, но знала, что это не просто ошибка.

Она записала номер коробки и время утилизации в свой блокнот. Не потому, что верила, что это пригодится, а потому, что хотела помнить: не всё, что происходит, остаётся в системе.

День закончился. Кира собрала вещи и вышла на улицу — с блокнотом, в котором лежала запись, которой не было ни в одной системе. Маленький ход, о котором не знали ни сеть, ни даже Виктор.

Голограммы над тротуарами зажигались одна за другой. Кира шла домой и думала не о коробках, а о том, что след можно оставить и там, куда система не смотрит.

День 3. «Просто услышать»

Выдача заказов шла как обычно: коды, коробки, улыбки. Но сегодня в очереди был клиент, который не хотел улыбаться. Он стоял перед стойкой, скрестив руки, и смотрел на Киру так, будто она была виновата во всех его проблемах.

Система выдала уведомление: «Автоматический ответ отправлен». Клиент нахмурился ещё сильнее: «Я не хочу автоматический ответ. Я хочу, чтобы меня услышали». И Кира вдруг поняла: он прав.

Она хотела просто выдать коробку и перейти к следующему клиенту. Но что-то внутри не давало ей этого сделать. Этот человек хотел быть услышанным. И она должна была его услышать.

Кира посмотрела ему в глаза и сказала: «Простите, что система ответила автоматически. Расскажите, что случилось?» И клиент вдруг выдохнул. Он начал говорить о том, как долго ждал этот заказ, как он был важен для него, как он боялся, что его снова обманут.

Кира слушала. Не для того, чтобы быстрее выдать коробку, а для того, чтобы действительно услышать. И когда он закончил, она сказала: «Я понимаю, почему вы злитесь. Давайте я помогу вам с этим заказом».

Коробка была найдена, код проверен, заказ выдан. Но самое главное — клиент ушёл не с коробкой, а с чувством, что его услышали. И это было важнее любых рейтингов.

Кира почувствовала, как напряжение уходит. Она не смогла понравиться всем, но она смогла помочь одному человеку. И этого было достаточно.

Следующие клиенты были спокойнее. Кто-то улыбался, кто-то благодарил, а кто-то просто молча забирал коробку. И Кира чувствовала, что день становится лучше.

Перерыв был коротким. Виктор присел рядом с кружкой кофе и, разминая шею, сказал: «Знаешь, владелец нашего пункта — интересный человек. Все его зовут благодетелем: он каждого нового стажёра встречает одними и теми же словами — „Ты справишься“. И ведь справляются». Кира подняла бровь: «Почему благодетелем?» Виктор усмехнулся: «Держит пункт не ради пайки. Ради людей. Увидишь его — поймёшь». Кира кивнула и посмотрела на город за окном. Всё казалось нормальным. Но она знала, что нормальность — это иллюзия.

Когда она вернулась, система снова выдала уведомление: «Автоматический ответ отправлен». Но на этот раз Кира не стала извиняться. Она просто посмотрела на следующего клиента и сказала: «Чем могу помочь?»

Она поняла, что система — это инструмент, а не цель. И иногда лучший способ помочь — просто быть человеком.

Кира решила, что каждый день будет находить хотя бы одного человека, которого она действительно выслушает. Не для рейтинга, не для системы, а просто потому, что это важно.

День закончился. Гасли голограммы, редкие прохожие спешили по своим маршрутам, и где-то вдалеке прошуршал одиночный дрон — единственный, кто ещё не закончил работу. Кира заперла дверь ПВЗ и подумала: нельзя понравиться всем, но можно помочь одному. Сегодня она успела именно это.

По дороге домой она повторяла про себя слова Виктора про благодетеля. Где-то в этом городе жил человек, который встречает незнакомцев словами «Ты справишься». С этим было легче идти.

День 4. «Для тех, кто ищет тепло»

Обычный день в ПВЗ: коды, коробки, очереди. Но сегодня Кира заметила одну деталь: инопланетный клиент, который приходил раньше, снова стоял перед стойкой. На этот раз он не просил ничего конкретного. Он просто стоял и смотрел на стойку, будто искал что-то, чего не было.

Он тихо произнёс фразу, которую сканер не смог распознать. На экране снова мигало: «Неизвестный язык». Но в этот раз Кира не растерялась. Она просто кивнула и спросила: «Что-то не так?»

Клиент снова издал звук, и Кира поняла: он не просит помощи, он… ищет что-то тёплое. Не физически, а эмоционально. И она вдруг вспомнила: у неё в шкафчике была керамическая кружка, которую она принесла из дома.

Она достала кружку, налила в неё чай и поставила перед клиентом. Он не стал пить, но накрыл кружку ладонями и замер. И Кира поняла: для него это был жест, а не напиток.

Клиент держал кружку ровно минуту, а потом поставил её ровно по центру подставки. Это был его ритуал. И Кира не стала мешать. Она просто стояла и смотрела, как он совершает этот маленький, но важный для него акт.

Система тихо пискнула, и на экране появилось: «Заказ выдан». Клиент кивнул Кире, взял коробку и ушёл. А кружка осталась на стойке, тёплая и пустая.

Кира посмотрела на кружку и поняла: эмоции есть только у людей. Но это не значит, что другие не чувствуют. Просто они чувствуют иначе.

Остаток дня прошёл спокойнее. Клиенты приходили, коробки уходили, а Кира замечала, как много в этом мире разных способов быть услышанным.

Вечер был тихим. Город за окном становился темнее, а огни голограмм — ярче. Кира стояла у стойки и думала о том, как много в этом мире разных языков.

Но когда она убирала кружку, она заметила на её дне маленькую пометку: «Для тех, кто ищет тепло». Она не помнила, чтобы писала её сама.

Кто-то знал, что эта кружка пригодится. Или… кто-то знал её лучше, чем она сама? Кира не знала ответа, но знала, что эта пометка была не случайной.

Она положила кружку обратно в шкафчик и решила, что будет держать её под рукой. Потому что в этом мире всегда найдётся кто-то, кто ищет тепло.

День закончился. Кира вытерла стойку и погасила свет над ячейками. Последнее, что она сделала перед выходом, — проверила, на месте ли кружка в шкафчике. На месте.

Дома она записала в блокнот короткую строку: «Тепло не выдаётся по коду. Оно передаётся из рук в руки». И легла спать с мыслью, что сегодняшняя кружка была важнее десятка закрытых заказов.

День 5. «Заказ 17B»

Очередь текла привычно: писк сканера, тихий щелчок диспенсера наклеек, приглушённые голоса. Кира уже чувствовала ритм смены: когда поток чуть спадает, когда нарастает, когда лучше заранее вытащить из ячейки коробки, чтобы не терять секунды. Но сегодня в очереди был клиент, который выглядел… не так. Он не стоял, а будто вибрировал — едва заметно, как струна, которую тронули и отпустили. Его форма не была человеческой, но и не казалась гротескной: скорее, он напоминал сгусток света, обведённый тонкой тенью. Система не могла присвоить ему категорию — на экране мигало: «Требуется ручная верификация».

Клиент не произнёс ни слова. Он просто протянул руку — или то, что выполняло её роль — и указал на экран, где значился заказ: «Для себя в прошлое». Кира на секунду замерла. Такие формулировки встречались редко, и обычно система их отклоняла. Но здесь заказ был подтверждён, оплачен, и даже имел пометку «Не белковая жизнь: приоритет ручной выдачи».

Кира хотела позвать Виктора, но вспомнила: сегодня он ушёл на планерку, и стойка осталась на ней. Она посмотрела на клиента — тот терпеливо ждал, не проявляя раздражения. И Кира вдруг осознала: для него время течёт иначе. То, что ей казалось паузой, для него могло быть мгновением.

Заказ лежал в ячейке 17B — обычная коробка, ничем не отличающаяся от сотен других. Но Кира заметила на ней крошечную пометку, сделанную от руки: «Не вскрывать. Не сканировать. Просто отдать». Кто-то из коллег пометил её заранее. Или… кто-то знал, что этот заказ придёт именно сегодня.

Кира взяла коробку, не проводя её через сканер. Система тихо пискнула, предупреждая о нарушении протокола, но не заблокировала действие. Клиент кивнул — едва уловимо, как кивают те, кто не привык пользоваться человеческими жестами. И в этот момент Кира почувствовала: она делает что-то правильное, даже если это противоречит правилам.

Она протянула коробку. Клиент принял её, и на секунду воздух вокруг него будто стал плотнее, как если бы реальность на миг прогнулась под его весом. Коробка исчезла в его «руке» — или растворилась в ней. На экране системы появилось: «Заказ выдан. Статус: закрыт». И тишина стала чуть глубже.

Кира стояла, сжимая край стойки, и пыталась унять лёгкое головокружение. Ей казалось, что она только что нарушила какое-то важное правило, но не могла вспомнить, какое именно. И ещё — у неё было чувство, будто она уже делала это раньше. Не сегодня, не вчера, а… когда-то. Как дежавю, только глубже.

Следующий клиент был обычным: человек, уставший, с кофе в руке, с телефоном, прижатым к уху. Он протянул код, Кира провела его, коробка уехала в сумку, клиент ушёл. И мир снова стал нормальным. Или почти нормальным.

Перерыв был коротким. Кира села на табурет за стойкой, закрыла глаза на несколько секунд и вдохнула запах кофе из автомата — горький, привычный, земной. Это помогало вернуться.

Когда она вернулась к стойке, система снова выдала уведомление: «Требуется ручная верификация» — но на этот раз по другому заказу. И на экране мелькнула странная строка: «Повторяющийся паттерн: выдача без сканирования». Кира похолодела. Система не должна была это фиксировать. И тем более — не должна была связывать с её действиями.

Может быть, это просто сбой? Или кто-то следит за тем, что она делает? Кира вспомнила пометку на коробке: «Не сканировать». Кто-то знал, что так будет нужно. И этот кто-то хотел, чтобы она это сделала.

Она открыла свой блокнот и записала: «Заказ 17В. Без сканирования. Клиент — не белковая форма. Пометка: “Не вскрывать”». Не для отчёта, не для системы — для себя. Чтобы помнить, что не всё, что происходит, можно объяснить цифрами.

День закончился, и Кира снова стояла у вывески «На пути». Но теперь она знала: ничего не зря, пока ты чувствуешь. И сегодня она почувствовала — и сделала.

Город спешил, дроны шуршали, голограммы вспыхивали и гасли. Но Кира шла домой с ощущением, что мир чуть шире, чем ей казалось утром. И это было одновременно пугающе и прекрасно.

День 6. «Кусочек неба»

Утро началось с дождя — редкого, почти декоративного: капли падали вертикально, будто кто-то аккуратно рисовал линии на стекле. Очередь была небольшой, и Кира успела заметить, как ребёнок у стойки тянет руку к голограмме с облаками. На экране висела реклама: «Купи небо — получи скидку на доставку». Ребёнок не хотел скидку. Он хотел что-то с неба.

Он повернулся к Кире и тихо спросил: «А можно просто облако? Настоящее?» И в этот момент система, будто издеваясь, выдала уведомление: «Предложение: пакет “Небесная коллекция” — 399 кредитов». Кира посмотрела на ребёнка, потом на экран, потом снова на ребёнка — и поняла, что никакие кредиты тут не помогут.

Она хотела предложить ему наклейку — обычную, бумажную, с нарисованным облаком. Но что-то внутри подсказывало: этого мало. Ребёнок искал не картинку. Он искал ощущение.

Кира вспомнила, что в шкафчике у неё лежит старая коробка с сувенирами: наклейки, значки, маленькие открытки, которые она собирала в детстве. Там была наклейка с пушистым облаком — не из рекламы, а из старого альбома. Она достала её, провела пальцем по краю, чувствуя шероховатость бумаги.

Она протянула наклейку ребёнку. Тот взял её осторожно, как берут что-то хрупкое. И улыбнулся — не широко, а так, будто нашёл что-то давно потерянное. В этот момент Кира поняла: иногда самое ценное — это не то, что светится на экране, а то, что можно держать в руках.

Мама ребёнка поблагодарила Киру, и они ушли, а наклейка осталась в руке у мальчика. Система всё ещё предлагала «Небесную коллекцию», но теперь это казалось нелепым. Кира тихо нажала кнопку, чтобы свернуть рекламу. Экран погас, и на мгновение стало тише.

Следующие клиенты шли один за другим, и каждый раз Кира ловила себя на мысли: а что они ищут? Не коробку, не скидку, не рейтинг — а что-то своё. И она хотела это увидеть.

В какой-то момент очередь рассосалась, и Кира смогла просто постоять у стойки, глядя на город. Дождь закончился, и небо стало прозрачным, как стекло. И ей вдруг показалось, что где-то там, выше, есть что-то, чего никто не видит. Но никто и не пытается увидеть.

Виктор принёс ей стакан горячего чая. «Ты сегодня какая-то задумчивая», — сказал он. Кира улыбнулась: «Просто думаю, что мир плоский, а что сверху — никто не знает». Виктор кивнул, будто это было самое обычное признание.

Но вечером система снова напомнила о себе: на экране появилась строка: «Анализ поведения: повышенный интерес к нерелевантным объектам». Кира вздрогнула. Система следила не за заказами. Она следила за ней.

Может быть, это просто алгоритм? Или кто-то решил, что её поступки — отклонение? Кира вспомнила ребёнка с наклейкой. Для системы это был «нерелевантный объект». Для неё — маленький кусочек неба.

Она не стала спорить с системой. Вместо этого она положила в карман ещё одну наклейку с облаком — на всякий случай. Чтобы помнить: даже если мир плоский, можно подарить кому-то кусочек неба.

День закончился. Кира свернула рекламу «Небесной коллекции» и посмотрела в окно: после дождя небо было настоящим, чистым и высоким. Просто большинство уже не смотрело вверх.

Город жил своей жизнью, но Кира шла домой с лёгкой улыбкой. В кармане лежала вторая наклейка с облаком — на тот случай, если кто-то снова попросит настоящее небо.

День 7. «Монстры из сектора 7»

На стойке тихо мигал экран с новостями: «Шоу “Монстры из сектора 7” бьёт рекорды просмотров». Кира хотела просто выключить его, но привычка заставляла мельком смотреть заголовки. И каждый раз ей становилось не по себе: новости звучали так, будто реальность уже не имела значения.

Клиент, стоявший перед стойкой, вдруг сказал: «Опять эти монстры. Как будто нам своих проблем мало». И в этот момент на экране появился кадр: искажённое лицо, крики, подпись: «Эксклюзив: правда, которую скрывают». Кира почувствовала, как внутри поднимается раздражение — не на клиента, а на экран.

Она хотела просто выдать коробку и перейти к следующему клиенту. Но слова клиента застряли в голове: «Нам своих проблем мало». И тут она осознала: новости не помогают. Они только добавляют шума.

Система продолжала транслировать шоу, и каждый новый кадр казался громче предыдущего. Кира чувствовала, как этот шум проникает внутрь, заставляя сомневаться в том, что она видит своими глазами.

Она подняла руку и нажала кнопку выключения. Экран погас с тихим щелчком, и в помещении стало чуть тише. Клиент посмотрел на неё с удивлением, а потом — с облегчением. «Спасибо», — сказал он просто. Кира кивнула: двух слов хватило больше, чем всех заголовков за цикл.

Коробка была выдана, клиент ушёл, а тишина осталась. Кира стояла у стойки и чувствовала, как возвращается ясность. Без кричащих заголовков мир казался проще — и честнее.

Но через несколько минут система снова включилась — автоматически. На экране снова мелькали кадры шоу, и Кира поняла: тишина не продлится долго. Система хотела, чтобы она смотрела.

Она не стала снова выключать экран. Вместо этого она достала старую бумажную газету — ту, что лежала в ящике ещё с прошлой смены. На первой странице была статья о том, как в секторе 5 открыли новый парк. Никаких монстров. Просто парк.

Остаток дня прошёл спокойно. Клиенты приходили, коробки уходили, а Кира держала газету под рукой — как напоминание, что есть и другая реальность.

Вечером система выдала уведомление: «Нарушение протокола: отключение новостного экрана». Кира вздохнула. Она знала, что это не останется без последствий.

Может быть, это просто правило? Или система действительно хотела, чтобы она верила в монстров? Кира вспомнила слова эпиграфа: «Победители переписывают историю». И вдруг осознала, что история — это не только то, что показывают на экране.

Она записала в блокнот: «Отключила новости. Клиент сказал “спасибо”. Система отметила как нарушение». Не для оправдания, а чтобы помнить: иногда нарушение правил — это способ остаться собой.

День закончился. Кира выключила свет над ячейками и постояла в тишине — настоящей, без кричащих заголовков. Она оказалась честнее любого шоу.

Город спешил по своим делам, а Кира шла домой со старой газетой под мышкой. Историю переписывают победители — но то, как её читать, она выбирала сама.

День 8. «Благодетель»

Смена началась спокойно, но к полудню поток заказов резко вырос. Коробки прибывали быстрее, чем Кира успевала их раскладывать. Сканер пищал, экран мигал, а система выдавала уведомления одно за другим. Кира чувствовала, как напряжение растёт — не только у неё, но и вокруг.

Робот-помощник вдруг остановился посреди прохода, его индикаторы мигнули жёлтым, и он тихо произнёс: «Требуется перераспределение задач». В этот момент очередь стала длиннее, а терпение — короче.

Кира хотела просто продолжать работать, но понимала: если она не изменит подход, всё развалится. Она посмотрела на Виктора — тот уже распределял задачи, указывая, кому куда идти. И Кира поняла: она не одна.

Владелец ПВЗ, которого все называли «благодетелем», появился в зале — не для контроля, а чтобы помочь. Он встал за соседнюю стойку и начал выдавать заказы, спокойно и уверенно, без суеты — так, что очередь сама успокоилась.

Кира подошла к Виктору и сказала: «Скажи, что мне делать». Он улыбнулся: «Бери ячейки 3–5. Я возьму 6–8. Робот пока пусть сортирует по весу». И она начала действовать — не в одиночку, а как часть команды.

Ячейки заполнялись, коробки уезжали, очередь таяла. Робот снова заработал, индикаторы стали зелёными, и в зале стало тише. Кира чувствовала, как уходит напряжение — не потому, что всё стало легко, а потому, что они справлялись вместе.

В какой-то момент ей показалось, что она не успевает, что всё рушится. Но она посмотрела на команду: Виктор спокойно сканировал коды, робот методично сортировал коробки, владелец ПВЗ улыбался клиенту, как старому другу. И Кира поняла: они держат маятник.

Поток заказов начал спадать. Очередь уменьшилась, система перестала мигать, и в зале снова стало тихо. Кира выдохнула и почувствовала, как возвращаются силы.

Они собрались у стойки: Кира, Виктор, владелец ПВЗ и даже робот, будто тоже был частью разговора. Виктор сказал: «Сегодня было тяжело, но мы справились». И Кира впервые почувствовала себя не стажёром, а частью команды.

Но система всё ещё напоминала о себе: на экране мелькнула строка: «Пиковая нагрузка: 127% от нормы». Кира поняла: это не просто день. Это проверка.

Раньше она думала, что успех — это когда всё идёт гладко. Теперь она поняла: успех — это когда ты справляешься, даже если всё идёт не так.

Она предложила: «Давайте завтра я возьму сортировку по весу. Так будет быстрее». Виктор кивнул: «Хорошо. Ты видишь ритм». И Кира почувствовала, что растёт не в отчётах, а в деле.

Виктор, закрывая смену, протянул Кире лист завтрашней смены: «Твоя очередь расписывать ячейки». А потом добавил: «Это не план. Это доверие». Кира приняла лист двумя руками. Социальный маятник качается, но команда может его удержать. И сегодня они удержали.

Город спешил, дроны шуршали, но Кира шла домой с чувством, что она не одна. И это чувство было сильнее любого рейтинга.

День 9. «Две пересекающиеся линии»

Выдача заказов шла спокойно, но в какой-то момент перед стойкой появился клиент, который не искал коробку. Он искал подарок — не для родственника, не для друга, а для того, кто стал семьёй. Его глаза были усталыми, но в них была надежда.

Он сказал: «Я хочу что-то простое. Что-то, что напомнит: ты не один». И Кира сразу увидела: это не обычный заказ. Это просьба о помощи.

Она хотела предложить стандартный набор: кружку, блокнот, значок. Но эти вещи не подходили. Они были слишком общими.

Клиент рассказал короткую историю: о человеке, который всегда встречал его после смены, приносил горячий чай и говорил: «Ты справился». Это и была его семья. И Кира хотела найти что-то, что отразит эту простую, но важную связь.

Она вспомнила коробку с сувенирами — ту самую, где лежали наклейки и значки. Там был маленький значок с двумя пересекающимися линиями — не сердце, не цветок, а просто линии, которые держатся друг за друга. Она достала его и протянула клиенту.

Клиент посмотрел на значок, потом на Киру, и его лицо стало мягче. Он кивнул: «Это то, что нужно». И Кира поняла: иногда самый лучший подарок — это не вещь, а смысл.

Следующие клиенты шли один за другим, но Кира всё ещё чувствовала тепло от этого разговора. Она хотела, чтобы каждый, кто приходит к ней, уходил с ощущением: его понимают.

В какой-то момент она заметила, что очередь стала спокойнее. Люди улыбались, благодарили, а кто-то даже говорил: «Спасибо, что выслушали». И Кира поняла: это и есть её работа.

Перерыв был коротким, но Кира успела посмотреть на город и подумать о том, что семья — это не обязательно кровь. Это те, кто держит тебя, когда мир качается.

Но система снова напомнила о себе: на экране появилась строка: «Анализ эмоций: повышенный уровень эмпатии». Кира вздохнула. Система считала эмпатию отклонением.

Раньше она думала, что работа — это выполнение задач. Теперь она поняла: работа — это помощь. И иногда помощь — это просто выслушать.

Она решила, что каждый день будет находить хотя бы одного человека, которому нужна не коробка, а внимание. Не для рейтинга, а потому что это правильно.

Клиент ушёл, держа значок в ладони, будто это был не кусочек металла, а что-то живое. Кира смотрела ему вслед и чувствовала: сегодня она не просто выдала заказ — она помогла кому-то почувствовать себя не одиноким. Значок весил меньше грамма. А то, что он дал клиенту, не поместилось бы ни в один отчёт. Кира проводила его взглядом и подумала: две линии, которые держатся друг за друга, — это как начало орбиты. Круг, который ещё не замкнулся. Но однажды замкнётся.

Очередь снова текла привычно: писк сканера, тихий щелчок, вежливые «спасибо». Но внутри у Киры что-то стало чуть теплее. Она поняла: семья — это не про документы и не про кровь. Это про тех, кто держит тебя, когда мир качается. И если она может быть для кого-то такой опорой — пусть даже на минуту, — значит, она на своём месте.

День 10. «Остаюсь стажёром»

Последний день первой декады начался как обычно: стойка, сканер, коробки, коды. Но сегодня в воздухе витало что-то особенное — будто сама смена знала, что это рубеж. Кира ловила себя на том, что смотрит на привычные вещи чуть внимательнее: на то, как моргает голопроектор, как тихо щёлкает диспенсер наклеек, как свет ложится на стойку. Всё это вдруг стало не фоном, а деталями, из которых складывался её мир.

В середине дня система выдала странное уведомление: «Рекомендация: переход на должность старшего оператора. Прогноз успешности: 87%». Кира замерла. Это звучало как победа — быстрый рост, повышение, больше ответственности. Но вместо радости она почувствовала… пустоту. Как будто ей предлагали сменить своё место на чужое.

Она хотела просто проигнорировать уведомление, провести следующий код, выдать следующую коробку. Но строка на экране не исчезала — ждала ответа. И Кира вдруг поняла: ей не хочется быть «успешной» по чужим меркам. Ей хочется быть нужной — здесь, у этой стойки, в этом ПВЗ.

Она вспомнила слова бабушки: «Главное — чтобы дело было по душе». Бабушка говорила это, когда Кира сомневалась, какую дорогу выбрать. И сейчас эти слова вдруг стали громче всех уведомлений системы. Кира поняла: успех — это не проценты и не должности. Это когда ты знаешь, что делаешь что-то настоящее.

Кира нажала «Отклонить рекомендацию». Не со злостью, не с вызовом — спокойно, просто возвращала вещь туда, где ей не место. На экране появилось: «Рекомендация снята». И тишина стала чуть глубже — но не тревожной, а правильной.

Следующие часы прошли спокойно. Коробки приходили, коды считывались, клиенты уходили. И каждый раз, когда Кира выдавала заказ, она чувствовала не усталость, а удовлетворение — тихое, но настоящее. Она делала своё дело, и оно ей нравилось.

К концу смены Кира вдруг осознала, что впервые не считает минуты до конца рабочего дня. Она не хотела уходить. Ей хотелось остаться здесь ещё немного, чтобы запомнить этот ритм, эту стойку, этот город за окном. И в этот момент она испугалась: а вдруг это неправильно? Вдруг она должна хотеть большего?

Виктор подошёл к ней и сказал: «Ты сегодня хорошо держалась. Если хочешь, завтра можешь взять сортировку по приоритетам». И Кира улыбнулась. Не потому, что ей дали «повышение», а потому, что её заметили. Её работу заметили. И это было важнее любых процентов.

Перед концом смены Кира достала из шкафчика старую фотографию — ту, где она сидит рядом с бабушкой, обе смеются. Она посмотрела на неё, провела пальцем по краю и почувствовала, как страх уходит. Бабушка бы поняла. Бабушка всегда говорила, что счастье — не в том, чтобы бежать быстрее всех, а в том, чтобы идти туда, где тебе спокойно.

Но система не сдавалась. На финальном отчёте высветилась строка: «Аномалия: отказ от карьерного роста при высоком потенциале». Кира вздохнула. Для системы её выбор был ошибкой. Но для неё — решением.

Раньше она думала, что нужно всё время расти вверх. Теперь она поняла: иногда рост — это когда ты остаёшься на своём месте, но делаешь это лучше. Когда ты не просто сканируешь коды, а видишь людей. Когда ты не гонишься за процентами, а даришь кому-то наклейку с облаком или значок с двумя пересекающимися линиями.

Она написала в блокнот: «Остаюсь стажёром. Мне здесь хорошо». Не для отчёта, не для системы — для себя. Чтобы помнить: её выбор — это тоже сила.

Смена закончилась. Кира стояла у стойки и смотрела на вывеску «На пути». Не как на препятствие, не как на этап, а как на своё место. И впервые за долгое время она чувствовала себя не «на пути к чему-то», а уже там, где нужно.

Город снова спешил мимо, голограммы вспыхивали и гасли. Но Кира шла домой не как стажёр, который ещё не нашёл себя, а как человек, который нашёл своё место — пусть даже это была маленькая стойка в ПВЗ. И это чувство было дороже любого рейтинга.

День 11. «Система не видит»

Утро в ПВЗ «На пути» привычно звенело деталями: писк сканера, тихий щелчок диспенсера наклеек, шуршание упаковок. Кира уже двигалась без лишних мыслей — рутина стала второй кожей. Но сегодня в ленте новостей мелькнула фраза, от которой она замерла: «В секторе 7 снова зафиксированы аномальные скачки рейтингов». Сектор 7 был соседним, но фраза звучала как предупреждение.

Перед стойкой стоял клиент с мигающим красным рейтингом. Система тихо пищала: «Приоритет: низкий. Выдача заблокирована». Клиент смотрел на Киру не со злостью, а с усталостью: «Я всё оплатил. Проверьте реестр». И Кира вдруг поняла: система не ошибается, она просто не видит того, что лежит вне её алгоритмов.

Кира хотела довериться экрану, нажать «Отказать» и перейти к следующему. Но усталость в глазах клиента не давала этого сделать. Она вспомнила слова Виктора: «Смотри на людей». И посмотрела.

Она открыла бумажный реестр — старую папку, которую держали «на всякий случай». На нужной странице стояла аккуратная пометка от руки: «Оплата подтверждена. Выдать вручную». Кира не делала эту пометку. Но кто-то сделал. И сделал для неё.

Она протянула коробку. Система снова пискнула, на экране вспыхнула надпись: «Нарушение протокола». Но клиент улыбнулся, и в этой улыбке было столько облегчения, что Кира поняла: иногда нарушение правил — это единственная правильная вещь.

Клиент ушёл, а Кира осталась стоять перед стойкой, чувствуя, как внутри растёт странное чувство: будто она не просто помогла, а сделала что-то, чего не должно было случиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.